

СУЛТАНИСТСКИЙ РЕЖИМ В БЕЛАРУСИ: ВЛАСТЬ ПО НАСЛЕДСТВУ КАК (НЕ)ВЕРОЯТНЫЙ СЦЕНАРИЙ

Анализ вероятных подподных камней новой Конституции и характеристики султанизма

ФОТО: AP

iSANS | The International Strategic Action
Network for Security

16 апреля 2021 года

Поскольку созданная конституционная комиссия целиком и полностью подконтрольна **Александру Лукашенко**, верстаемый ей конституционный вариант призван всецело отвечать его политическим потребностям.

В прошлом году мы **прогнозировали** преобразование Всебелорусского народного собрания (ВНС) в новый конституционный орган, который позволил бы Лукашенко его возглавить, став, условно, председателем Президиума ВНС, аналога Политбюро ЦК КПСС.

Похоже, что при хорошем для себя раскладе Лукашенко рассчитывает получить и новую конституционную должность, и продолжить занимать президентскую, чтобы передать ее лояльному лицу, предпочтительно в форме династического наследования, в более далекой перспективе.

При более негативном сценарии Лукашенко мог бы досрочно наградить президентской должностью с усеченными полномочиями человека из своей команды (назначить своеобразного регента). В таком случае влияние президентской администрации было бы урезано в пользу секретариата Президиума ВНС. Этот шаг и прочие приготовления, типа председательства в качестве главы Президиума ВНС в Совбезе, даже при таком сценарии обеспечивали бы ему сохранение реальных рычагов правления.

ВНС как часть плана, но что еще?

Кроме наделения ВНС конституционным статусом с широкими полномочиями следует обратить внимание на другие возможные инициативы сторонников Лукашенко:

- будут ли включены положения, цементирующие еще более тесный военно-политический альянс с Россией;
- произойдет ли отмена прямых президентских выборов в пользу формального назначения парламентом;
- будет ли исключена необходимость общенационального голосования по вопросам изменения ключевых разделов конституции;
- будет ли увеличен срок полномочий президента и будет ли уменьшен возрастной ценз для кандидатов в президенты.

Последний пункт особенно важен, потому что обеспечить сколько-нибудь **долговременные гарантии политическому наследию** Александра Лукашенко после его ухода способен не просто «приближенный» человек, а лицо с тесными родственными связями, наследник. Несмотря на постоянные заверения самого Александра Лукашенко в том, что его **дети не претендуют на власть**, сложно поверить в отсутствие мыслей о будущем своих сыновей, в первую очередь младшего Николая.

Тот лишь через 18 лет достигнет необходимого возрастного ценза для президентства согласно действующей Конституции (35 лет), т.е. через три президентских срока. Однако если в ближайший год не произойдет существенных политических перемен, то в 2022 году, с принятием новой Конституции и проведением возможных внеочередных выборов (или даже без них), может произойти своеобразное «обнуление» президентских сроков.

Если при этом возрастной ценз для кандидатов в президенты будет снижен до 30 лет, а продолжительность президентского срока увеличена с пяти до 6-7 лет, то «династический транзит» ровно через две президентские каденции (то есть, в районе 2034 года) станет теоретически возможным. Именно такие поправки в конституцию (уменьшение возрастного ценза с 35 лет до 30) сделал в 2016 году глава Таджикистана **Эмомали Рахмон** в рамках происходящего транзита власти в пользу своего сына.

Еще один потенциальный вариант поменять возрастной ценз на более позднем этапе состоит в наделении ВНС либо другого органа правом внесения изменений в Конституцию в обход общенационального голосования.

В случае председательства Лукашенко в Президиуме ВНС и наделением этого органа широкими полномочиями, вопрос состоял бы лишь в том, доверит ли он в зависимости от обстоятельств хотя бы одну из грядущих президентских каденций лояльному регенту (например, **Наталье Кочановой**), либо продолжит довольствоваться президентством сам до достижения сыном необходимого возрастного ценза.

В свете произошедшей в прошлом году серьезнейшей делегитимизации Александра Лукашенко и всех госорганов такая перспектива **звучит фантастически, не правда ли?** Но не более фантастически, чем выраженное в году эдак 1995-м или даже в 2000-м предположение, что в 2021 году Александр Лукашенко все еще сможет удерживать власть в стране.

Здесь мы выносим за скобки главную проблему для свершения подобных долгосрочных политических планов — острый дефицит экономических ресурсов. Если бы Беларусь была нефтяным оазисом типа Бахрейна или ОАЭ, то вероятность подобного сценария была бы многократно выше, если не близкой к предрешенной.

С другой стороны, в свете растущего противостояния России и Запада, значимость Беларуси для Кремля, а следовательно и поддержка им Лукашенко и потенциальная готовность и далее выступать в роли бездонной, пусть и не столь щедрой как ранее, ресурсной бочки, сохраняется, а то и возрастает. Важнейшее значение будет иметь результат жесткого торга Минска и Москвы относительно «углубленной интеграции» и предопределенный им формат белорусско-российских отношений на ближайшее будущее.

Персоналистский военный режим, он же султанизм

Географическое положение страны, ее историческая и культурная принадлежность к европейской цивилизации не должны вводить в заблуждение при анализе существующего в Беларуси типа политического режима, родственного по многим параметрам центральноазиатскими деспотиями.

Ранее мы подробно описывали эволюцию политического режима в Беларуси **в военный персоналистский режим**. Эта дефиниция как нельзя лучше отражает чрезвычайно возросшее влияние силовиков в системе государственного управления.

При обсуждении же темы политического транзита, пожалуй, уместнее обратиться к классификации политических режимов, предложенной политологами **Хуаном Линцем** и **Альфредом Степаном**. Они описали пять хрестоматийных типов политических режимов, один из которых назвали «султанизмом».

Для султанизмов характерны, среди прочего, крайняя степень патримониализма и отождествление страны с судьбой правителя, мизерная роль политических институтов, отсутствие сколько-нибудь ясной идеологии. В демократических государствах чиновники действуют в правовом поле в рамках установленных конституцией политических институтов. В султанизмах институты и правила появляются и пляшут вокруг правителя и приближенных к нему лиц. Важно подчеркнуть такую черту султанистских режимов как династические тенденции, то есть склонность передавать власть по наследству.

Политологи **Стивен Эке** и **Тарас Кузьо**, анализируя белорусский политический режим, выделяли яркие элементы султанизма **еще в 2000 году**. В своей публикации они справедливо отмечали, что крену в сторону султанизма в значительной степени способствовала слабая национальная идентичность белорусов.

В своей **научной статье 2012 года** безвременно ушедший белорусский политолог **Владимир Ровда** пришел к выводу, что к выборам 2010 года по четырем параметрам из пяти (особенности политического лидерства, степень плюрализма, роль идеологии, характер политической мобилизации и ситуация с правами человека) белорусский политический режим более соответствовал султанизму, чем типичному авторитарному режиму.

Единственным «провисающим» на тот момент параметром была сфера прав человека – уже к тому времени масштаб репрессий в Беларуси был существенным, но не столь всеобъемлющим, как в случае классических султанистских режимов в понимании Линца-Степана. Однако

учитывая масштаб репрессий в Беларуси в 2020-2021 году, финальную стадию эволюции в султанистский режим, пожалуй, можно считать состоявшейся.

Эта отсылка к классификации политических режимов по Линцу-Степану сделана, потому как данная ими дефиниция режима с присущем ей монархическим привкусом («султанизм») помогает читателю абстрагироваться от формальных политических институтов и лучше осознать особое значение династической преемственности для подобных режимов.

Формально демократические правки

Следует ожидать, что негативные – с точки зрения демократии и права – конституционные преобразования госпропаганда будет усердно скрывать за чередой малозначимых, но формально демократических изменений. В качестве примера стоит снова-таки привести Таджикистан, где на референдум 2016 года выносились целых 40 конституционных поправок, среди которых ключевых было всего пару штук, а остальные были в общем и целом формальностью. Подобные тенденции уже заметны в работе белорусской конституционной комиссии.

Так, по итогам ее второго заседания объявлено, что находящимся в условиях временного заключения (то есть, в СИЗО) гражданам вероятно будет предоставлено право голоса. Речь про несколько тысяч человек, то есть о менее чем 0.1% избирателей. Причем значение этого формально демократического шага нивелируется отсутствием намерений изменить существующий порядок формирования избиркомов, гарантировать подлинно независимое наблюдение, открытость подсчета бюллетеней и сведения итогов голосования, и так далее.

Другой пример: лишение трудовых коллективов права выдвижения кандидатов на местные и парламентские выборы. С одной стороны, это решение при желании можно трактовать как прогресс и избавление от рудимента советских времен. В реальности, в условиях серьезных ограничений для регистрации политических партий этот шаг сделает набор имен в избирательных бюллетенях предельно стерильным.

Формально демократическими новшествами могут стать также учреждение должности спецпредставителя по правам человека, суда присяжных, незначительное увеличение компетенций региональных властей и даже введение подобия выборов глав местных исполкомов, правда из числа заранее одобренных вышестоящими исполкомами кандидатур. Наконец, возможен даже возврат к ограничению президентства двумя сроками при «обнулении» предыдущих.

Эти и прочие «приятные мелочи» не должны уводить внимание от действительно важных конституционных игр султанистского режима и сценария превращения демократического транзита в транзит династический.

Андрей Елисеев,
эксперт *EAST Center* и *iSANS*

isans.org

iSANS | The International Strategic Action
Network for Security